

Королева Марго

Франция. XVI век. Эпоха дворцовых интриг и жестокости, время отваги и подлости. В это время Франция стояла перед судьбоносным выбором: стать могущественным государством или быть разодранной в клочья феодальными межусобицами. Генрих Наваррский, тогда всего лишь Генрих де Бурбон, только начал путь к величию, а Гизы продолжали упрямо стремиться узурпировать власть. Да и влиятельная Екатерина Медичи сплела для Генриха сеть хитрых ловушек и заговоров. В отблесках огней Варфоломеевской ночи, в кровавом зареве зажглась яркая звезда несравненной Маргариты Валуа.

Ее называли «жемчужиной Франции». Той, которую нарекут королевой Марго, предстоит пожертвовать чувствами и счастьем, принять участие в чужих политических играх и смириться со своей судьбой. Ее имя войдет в историю. Но она отдала бы все за то, чтобы просто любить...

КОРОЛЕВА
Марго

Александр Дюма

Александр Дюма

КОРОЛЕВА
Марго

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2018

ISBN 978-617-12-5990-4 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Уважаемые правообладатели!

Мы приняли все меры, чтобы найти вас и договориться о приобретении прав на использование в нашей книге Ваших произведений. Однако информации по этому вопросу нет. Ваши переводы представляют высокую художественную ценность, поэтому, в связи с отсутствием соответствующей информации, мы взяли на себя смелость издать их. Пожалуйста, по вопросам предъявления авторских прав обращайтесь в издательство «Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»» (тел. 057-783-88-89).

Перевод с французского *Евгения Корша*

Дизайн обложки *агентства «Тим +»*

Электронная версия создана по изданию:

Франція. XVI століття.

Епоха палацових інтриг і жорстокості, відваги й підступності. У цей час Франція стояла перед доленосним вибором: стати могутньою державою або бути роздертою на шматки феодалними міжусобицями. Генріх Наваррський, тоді всього лише Генріх Бурбон, тільки почав шлях до величі, а Гізи продовжували вперто прагнути до захоплення влади. Та й впливова Катерина Медічі плела для Генріха пута хитрих пасток і змов. У відблисках вогнів Варфоломійської ночі, в кривавій заграві засіяла яскрава зірка незрівняної Маргарити Валуа. Її називали «перлиною Франції». Тій, яку назвуть королевою Марго, належить пожертвувати почуттями і щастям, взяти участь у чужих політичних іграх і змиритися зі своєю долею. Її ім'я увійде в історію. Але вона віддала б усе за те, щоб просто любити...

Дюма А.

Д96 Королева Марго / Александр Дюма ; пер. с фр. Е. Корша. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 704 с.

ISBN 978-617-12-5066-6

Франция. XVI век.

Эпоха дворцовых интриг и жестокости, отваги и подлости. В это время Франция стояла перед судьбоносным выбором: стать могущественным государством или быть разорванной в клочья феодалными распрями. Генрих Наваррский, тогда всего лишь Генрих Бурбон,

только начал путь к величию, а Гизы продолжали упрямо стремиться к захвату власти. Да и влиятельная Екатерина Медичи плела для Генриха сеть хитрых ловушек и заговоров. В отблесках огней Варфоломеевской ночи, в кровавом зареве зажглась яркая звезда несравненной Маргариты Валуа. Ее называли «жемчужиной Франции». Той, которую нарекут королевой Марго, предстоит пожертвовать чувствами и счастьем, принять участие в чужих политических играх и смириться со своей судьбой. Ее имя войдет в историю. Но она отдала бы все за то, чтобы просто любить...

УДК 821.133.1

© Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК ГЕРЦОГА ГИЗА

Восемнадцатого августа 1572 года был понедельник, но в Лувре отмечали большое празднество.

Ярко светились обычно темные окна старинного королевского дворца, а соседние улицы и площади, как правило, пустевшие, едва лишь колокол на церкви Сен-Жермен-Л'Озера бил девять часов вечера, кишели народом даже в полночь.

Огромная, грозная, шумная толпа напоминала темное зыблющееся море, откуда несся рокот набегавшего прибоя; людские волны, прорываясь сквозь улицу Фосе-Сен-Жермен и улицу Астриос, заливали набережную, приливали к стенам Лувра и отливали к цоколю Бурбонского дворца, стоявшего напротив.

Несмотря на королевский праздник, а может быть, именно благодаря ему, что-то грозное чувствовалось в толпе народа, который присутствовал на нем как посторонний зритель, но твердо верил, что этот праздник — лишь пролог к другому, отложенному на неделю торжеству, где он будет желанным гостем и разгуляется вовсю.

Королевский двор праздновал свадьбу Маргариты Валуа, дочери покойного короля Генриха II и сестры царствующего короля Карла IX, с Генрихом Бурбоном, королем Наваррским. Утром кардинал Бурбонский, совершив брачный обряд, установленный для наследниц французского царствующего дома, обвенчал брачующихся на помосте, воздвигнутом перед воротами собора Парижской Богоматери.

Этот брак изумил всех, а людей самых дальновидных заставил сильно призадуматься; сближение двух таких ненавистных друг другу партий, какими были в это время протестантская и католическая, казалось невозможным. Спрашивалось, как может принц Конде

простить брату короля, герцогу Анжуйскому, смерть своего отца, убитого в Жарнаке капитаном Монтестью, или как герцог Гиз простит адмиралу Колиньи смерть своего родителя, лишенного жизни в Орлеане дворянином-гугенотом Польтро де Мере. Более того: королева Жанна Наваррская, отважная супруга безвольного Антуана Наваррского, сосватавшая своего сына за Маргариту Валуа, умерла каких-нибудь два месяца тому назад, и о причине ее внезапной смерти ходили подозрительные слухи. Шепотом, а кое-где и громко говорили о том, что королеве Жанне стала известна какая-то страшная тайна и Екатерина Медичи, боясь разоблачений, отравила ее ядовитыми душистыми перчатками, которые изготовил некий флорентиец по имени Рене, большой мастер в делах такого рода. Распространению и утверждению всех этих слухов способствовало то обстоятельство, что по просьбе сына королевы после ее смерти двум медикам, в том числе и знаменитому Амбруазу Паре, было поручено вскрыть и обследовать тело, но не касаться мозга. А так как Жанна была отравлена посредством запаха, то лишь в мозгу умершей могли быть обнаружены следы совершенного преступления. Именно преступления, поскольку никто не сомневался, что оно имело место.

Но и это далеко не все: сам король Карл прилагал все усилия, чтобы устроить этот брак, который должен был не только установить мир в королевстве, но и привлечь в Париж всех видных протестантских главарей. Так как жених был протестант, а невеста католичка, то нужно было получить разрешение на брак у Григория XIII, занимавшего в то время папский престол. Разрешение задерживалось, и это сильно беспокоило Жанну д'Альбре, которая однажды в разговоре с Карлом выразила сомнение в том, что католическая церковь благословит этот брак; но король ответил:

— Милая тетушка, не беспокойтесь, я уважаю вас больше, чем папу, а сестру люблю сильнее, чем боюсь его. Я не гугенот, но и не дурак, и если папа будет чинить препятствия, то я сам возьму за руку Марго и поведу ее венчаться с вашим сыном по протестантскому обряду.

Вскоре эти слова разнеслись по городу, очень обрадовали гугенотов, сильно озадачили католиков и вызвали среди последних тайные разговоры о том, изменяет ли им король на самом деле или

разыгрывает комедию, которая в один прекрасный день или прекрасную ночь закончится неожиданной развязкой.

Что было особенно непостижимо — так это отношение Карла IX к адмиралу Колиньи, который в течение пяти или шести лет вел ожесточенную войну против него: до этого сближения монарх назначил пятьдесят тысяч экю золотом в награду за голову адмирала, теперь же чуть ли не клялся его именем, называл своим отцом и во всеуслышание заявлял, что только ему доверит ведение предстоящей войны во Фландрии; даже сама Екатерина Медичи, до сих пор направлявшая волю, действия и даже намерения молодого короля, была всерьез обеспокоена, и не без причины: дело в том, что как-то в беседе с адмиралом о Фландрской войне в порыве откровенности Карл IX заявил ему:

— Отец, мы должны быть очень осторожны: вы знаете, что королева-мать сует во все свой нос, но об этом деле пока ничего не знает; поэтому нам надо будет вести его так, чтобы королева о нем даже и не подозревала, а то с ее сварливостью она нам все испортит.

Колиньи, при всем своем уме и опытности, все же не мог полностью скрыть оказанное ему королем доверие. В Париж он прибыл крайне настороженным; когда выезжал из Шатийона, одна крестьянка молила его на коленях: «О добрый господин наш, не ездь в Париж; и тебя и всех, кто поедет с тобой, там ждет смерть!» Но мало-помалу все подозрения рассеялись и у него, и у его зятя де Телиньи, к которому король проявлял самые дружеские чувства, называл его братом, как называл отцом адмирала, говорил ему «ты», чем отличал только самых близких друзей.

В результате все гугеноты, за исключением нескольких угрюмых и недоверчивых людей, совершенно успокоились: смерть наваррской королевы стали приписывать воспалению легких, а в просторных залах Лувра толпились мужественные протестанты, которым брак их юного вождя Генриха сулил нежданно счастливый поворот судьбы. Адмирал Колиньи, Ларошфуко, принц Конде-сын, де Телиньи — словом, все главари партии торжествовали, видя, как были приняты и какой огромный вес приобретали в Лувре те самые люди, которых три месяца назад король и Екатерина Медичи собирались вешать на особых виселицах, выше, чем простых убийц. Только маршала де

Монморанси не было среди собратьев — его нельзя было ни заманить обещаниями, ни обмануть показными чувствами, он уединился в своем замке д'Иль-Адан, объясняя отшельничество скорбью об отце, коннетабле Анн де Монморанси, которого убил из пистолета Роберт Стюарт в сражении при Сен-Дени. Но так как со времени этого события прошло более трех лет, а чувствительность была не в духе того времени, то каждый мог думать по поводу такого чрезмерно продолжительного траура все что угодно.

К тому же обстоятельства складывались не в пользу маршала де Монморанси: и королева, и король, и герцог Анжуйский, и герцог Алансонский — все радушно принимали своих гостей на этом королевском празднестве.

Сами гугеноты вполне заслуженно хвалили герцога Анжуйского, за битвы при Жарнаке и Монконтуре, которые он выиграл, когда ему не было и восемнадцати лет, — раньше, чем Цезарь и Александр Македонский, да и вообще вдруг оказалось, что он превзошел этих победителей при Иссе и Фарсале. Герцог Алансонский посматривал вокруг с притворным благодушием; королева Екатерина сияла радостью и с наигранной любезностью поздравляла Генриха Конде с недавней женитьбой на Марии Клевской; даже Гизы улыбались своим заклятым врагам, и герцог Майнцский обсуждал с Таваном и адмиралом Колиньи предстоящую войну, которую должны были объявить Филиппу II, королю испанскому.

Среди гостей, разбившихся на группы, бродил, слегка потупив голову и вслушиваясь в разговоры, юный брюнет лет девятнадцати, с умным взглядом, лукавой улыбкой, орлиным носом, коротко подстриженными волосами, густыми бровями и едва пробившимися усиками и бородой. Этот молодой человек, успевший отличиться пока лишь в битве при Арне-ле-Дюк, где храбро дрался, не щадя себя, а теперь принимавший поздравления со всех сторон, был любимым учеником адмирала Колиньи и героем сегодняшнего дня; совсем недавно, при жизни матери, его называли принцем Беарнским, а после ее смерти он наследовал титул — король Наваррский, пока не стал королем Франции — Генрихом IV.

Иногда темное облачко вдруг омрачало его лоб: очевидно, он вспоминал смерть матери, почившей всего два месяца тому назад, и

больше всех был уверен в том, что ее отравили. Но это облачко лишь проносилось легкой тенью и быстро исчезало; оно набегало оттого, что все люди, которые сейчас толпились около Генриха, заговаривали с ним и поздравляли, были убийцами отважной Жанны д'Альбре.

Недалеко от короля Наваррского, который старался выглядеть радушным и веселым, стоял задумчивый и взволнованный герцог Гиз и вел беседу с Телиньи. Герцогу повезло в жизни больше, чем Беарнцу: в двадцать два года он пользовался почти такой же славой, как и его отец, могущественный Франсуа де Гиз. Это был изящный вельможа высокого роста, с надменным, гордым взглядом и такой природной величавостью, что, по мнению многих, все прочие придворные в его присутствии казались простолюдинами. Несмотря на молодость, вся католическая партия видела в нем своего вождя, так же как протестанты считали своим предводителем юного короля Наваррского.

Сначала герцог Гиз носил титул герцога Жуанвильского и первое боевое крещение получил во время осады Орлеана под началом своего отца, который умер на его руках, назвав адмирала Колиньи своим убийцей.

Тогда же юный герцог, подобно Аннибалу, дал торжественную клятву отомстить и адмиралу, и всей его семье за смерть отца, безжалостно и неустанно преследовать врагов своей религии, обещал Богу стать его ангелом-воителем на земле до того дня, пока не будет истреблен последний еретик. Теперь же все с огромным изумлением наблюдали, как этот принц, обычно верный своему слову, пожимает руки заклятым врагам и, несмотря на обет умирающему отцу убить адмирала, приятельски беседует с его зятем.

Но мы уже сказали, что это был вечер, полный неожиданностей.

Действительно, если бы какой-нибудь наблюдатель, способный предвидеть будущее, что людям, к счастью, не дано, и способный читать в душах, что, к несчастью, дано лишь Богу, вдруг очутился на этом торжестве, то он, конечно, наслаждался бы самым любопытным зрелищем, какое может представить нам история человеческой цивилизации.

Но хотя такого наблюдателя не оказалось на галереях Лувра, зато он был на улице, где грозно раздавался его ропот и гневом искрились глаза: то был народ, с его инстинктом, предельно обостренным

ненавистью; он издали глядел на силуэты своих непримиримых врагов и толковал их чувства так же простодушно, как это делает прохожий, глаза в запертые окна зала на танцующих. Музыка увлекает и ведет танцоров, а он видит только движения и, не слыша музыки, потешается над тем, как эти марионетки скачут и суетятся без видимой причины.

Музыкой, увлекавшей гугенотов, было их удовлетворенное тщеславие, а взгляды парижан, наблюдавших за ними, излучали ненависть.

Во дворце же все веселились по-прежнему; по всему Лувру пронесся восхищенный и мягкий говор, сопровождавший появление новобрачной: сняв подвенечный наряд, длинную вуаль и мантию, она входила в зал вместе с герцогиней Неверской, самой близкой подругой, и с братом, Карлом IX, который вел ее за руку и представлял наиболее почетным гостям.

Эта новобрачная — дочь Генриха II, Маргарита Валуа — была жемчужиной в короне Франции, и Карл IX, питавший к ней особенную нежность, обычно звал ее «сестричкой Марго».

Восторженная встреча была вполне заслужена юной наваррской королевой. Маргарите едва исполнилось двадцать лет, но все поэты писали ей хвалебные стихи, сравнивая то с Авророй, то с Киферой. По красоте ей не было равных даже здесь, при дворе Екатерины Медичи, которая старалась подбирать на роль своих фрейлин самых красивых женщин, каких только могла найти. Черноволосая, с замечательным цветом лица, выразительными глазами, обрамленными длинными ресницами, чувственным алым ртом и стройной шеей, с роскошным гибким станом и маленькими, детскими ногами в атласных туфельках — такой предстала Маргарита Валуа. Французы гордились тем, что их страна взрастила этот удивительный цветок, а иностранцы, побывав во Франции, возвращались к себе на родину ослепленные красотой, если приходилось только повидать ее, и восхищенные образованием, если удавалось с ней поговорить. И в самом деле, она была не только самой красивой, но и самой образованной из современных женщин; вот почему нередко вспоминали фразу одного итальянского ученого, который был ей представлен, беседовал с ней целый час по-итальянски, по-испански, по-гречески и по-латыни и, выйдя от нее,

восторженно сказал: «Побывать при дворе, не повидав Маргариту Валуа, — значит не увидеть ни Франции, ни французского двора».

Не было недостатка в похвалах и самому королю Карлу IX — ведь известно, какими искусными ораторами были гугеноты. В эти речи ловко вплетались и намеки на прошедшее, и пожелания на будущее. Но Карл IX, хитро улыбаясь, давал на все это один ответ:

— Отдавая Генриху Наваррскому мою сестру, я отдаю в ее лице свое сердце всем гугенотам моего королевства.

Такой ответ на некоторых действовал успокоительно, у других вызывал улыбку, допуская двусмысленное толкование: первое — как отеческое отношение короля ко всему народу, но Карл IX сознательно не собирался придавать своей мысли такую широту; а другое толкование — обидное для новобрачной, для ее мужа, да и для самого Карла, поскольку его слова невольно вызывали в памяти сплетни, которыми дворцовая хроника уже успела испачкать брачные одежды Маргариты Валуа.

Как мы уже сказали, герцог Гиз беседовал с де Телиньи, но при этом он время от времени оборачивался и бросал взгляд на группу дам, в центре которой блистала Маргарита Валуа. И всякий раз, когда взгляд наваррской королевы встречался с взглядом молодого герцога, тень набегала на ее красивый лоб, обрамленный, словно ореолом, трепетным сверканием алмазных звезд, и во всей ее манере держаться, выражавшей нетерпение и беспокойство, проглядывало желание что-то предпринять.

Ее старшая сестра, принцесса Клод, недавно вышедшая замуж за герцога Лотарингского, заметила тревожное настроение Маргариты и стала продвигаться к ней, чтобы узнать его причину, но в это время все гости расступились, давая дорогу королеве-матери, входившей под руку с молодым принцем Конде, и оттеснили принцессу Клод от ее сестры. Герцог Гиз воспользовался общим движением толпы, чтобы подойти поближе к герцогине Неверской, своей невестке, а заодно и к Маргарите. В ту же минуту герцогиня Лотарингская, не терявшая сестры из виду, заметила, как тень тревоги на ее челе сразу исчезла, а щеки ярко вспыхнули румянцем. Когда же герцог, настойчиво пробираясь сквозь толпу, наконец оказался в двух шагах от Маргариты, она, еще не видя этого, почувствовала его близость и,

сильным напряжением воли придав своему лицу выражение беспечного спокойствия, повернулась к герцогу.

Он почтительно приветствовал ее и, низко кланяясь, тихо сказал полатыни:

— *Ipse attuli*, — что означало: «Я принес», или «Я сам принес».

Маргарита сделала реверанс и, выпрямляясь, ответила тоже полатыни:

— *Noctu pro morte*, — что означало: «Этой ночью, как всегда».

Эти слова, подхваченные ее плоеным, очень широким и тугим воротником, как воронкой рупора, не были услышаны никем, кроме того, кому они предназначались. Но, несмотря на краткость разговора, все важное для них обоих было сказано, так как, обменявшись этими словами, они расстались — Маргарита удалилась с мечтательным выражением лица, а герцог значительно повеселевшим. Но тот, кому бы следовало заинтересоваться этой сценой больше всех, то есть король Наваррский, не обратил на нее ни малейшего внимания — его глаза в этот момент не видели ничего, кроме одной женщины, собравшей вокруг себя почти такой же многочисленный кружок, как и Маргарита Валуа, — эта женщина была красавица мадам де Сов.

Шарлотта де Бон-Самблансе, внучка несчастного Самблансе и жена Симона де Физ, барона де Сов, была придворной дамой Екатерины Медичи и самой главной ее помощницей в тех случаях, когда королева-мать, не решаясь опоить врага флорентийским ядом, старалась опьянить его любовью: блондинка небольшого роста, то искрившаяся жизнью, то грустно томная, но всегда готовая к интриге и любви, основным занятиям придворной жизни при трех французских королях, сменившихся на троне за пятьдесят последних лет, — мадам де Сов была женщиной в полном смысле слова, начиная с синих глаз, порой томных, порой блиставших внутренним огнем, и до кончика игривых точеных ножек, обутых в бархатные туфли. Всего за несколько последних месяцев она успела овладеть всем существом короля Наваррского, едва вступившего на путь политики и любовных приключений; поэтому и Маргарита Валуа с ее роскошной, царственной красотой не вызывала даже простого восхищения в своем супруге. Одно обстоятельство поражало всех — поведение королевы-матери, странное даже для такой темной, таинственной души, как

Екатерина Медичи: дело в том, что королева-мать, настойчиво добиваясь брачного союза между своей дочерью и королем Наваррским, в то же время почти открыто поощряла его любовь к мадам де Сов; однако, несмотря на это и вопреки свободным нравам той эпохи, красавица Шарлотта пока не сдавалась, и это неслыханное, непостижимое сопротивление больше, чем ум и красота упрямыцы, возбудило в сердце пылкого Беарнца такую страсть, которая, не находя себе удовлетворения, вся ушла внутрь, изгнав из юной души Генриха застенчивость и гордость и даже главную черту его характера — беспечность, основанную частично на его мировоззрении, а частично на лени.

Мадам де Сов явилась в бальный зал лишь несколько минут тому назад; от досады или от огорчения, но, как бы то ни было, сначала она решила не присутствовать при торжестве своей соперницы и под предлогом нездоровья отправила в Лувр мужа, занимавшего пост государственного секретаря уже пять лет. Однако Екатерина Медичи, заметив, что барон де Сов пришел один, спросила у него, почему отсутствует ее любимица; узнав, что причина — всего лишь легкое недомогание, она написала Шарлотте записку с предложением явиться, и баронесса поспешила исполнить ее требование. Генрих Наваррский, сначала очень огорченный отсутствием мадам де Сов, все же почувствовал облегчение, когда заметил одиноко входившего барона; не ожидая ее встретить, Беарнец с грустным вздохом уже собрался подойти к той милой женщине, которую он обязался если не любить, то почитать своей женой, как вдруг увидел в дальнем конце одной из галерей Шарлотту, — он замер на месте, не спуская глаз с этой Цирцеи, приковавшей его к себе волшебной цепью, и, после некоторого колебания, вызванного скорее неожиданностью, чем осторожностью, пошел навстречу баронессе.

Придворные видели, что король Наваррский идет к красавице Шарлотте, и, зная, о его чувствах, любезно удалились, чтобы не мешать их встрече; по иронии судьбы в тот самый момент, когда Генрих подошел к мадам де Сов, Маргарита Валуа и герцог Гиз обменивались уже известными читателю латинскими словами; Генрих Наваррский, приблизившись к баронессе, тоже завел с ней разговор, но на французском языке, вполне понятном, несмотря на примесь

гасконского акцента, — во всяком случае, гораздо менее таинственный, чем первый.

— А-а! Милочка моя! — сказал он ей. — Вы здесь, оказывается, а мне только что сказали, будто вы больны, и я уже терял надежду вас увидеть!

— Ваше величество, неужели вас это огорчило?

— Святой боже! Ну конечно! Разве вы не знаете, что днем вы мое солнце, а ночью — моя звезда? Честное слово, меня окружал мрак, но вот явились вы и сразу озарили все.

— В таком случае, ваше величество, я играю с вами злую шутку.

— Но почему же, милочка моя?

— Вполне понятно: когда владеешь самой красивой женщиной во Франции, можно желать только одного — чтобы исчез свет и наступил мрак, ибо во мраке нас ждет блаженство.

— Вам очень хорошо известно, что мое блаженство в руках одной-единственной женщины, которая играет и тешится несчастным Генрихом.

— О-о! А мне вот кажется, что эта женщина была игрушкой и потехой для короля Наварры.

Сначала такое резкое неприязненное отношение испугало Беарнца, но он сейчас же рассудил, что за этим скрывается досада, а досада — маска любви.

— Милая Шарлотта, честно говоря, ваш упрек несправедлив, и я не понимаю, как красивый ротик может говорить такие нелепости. Неужели вы думаете, что я женюсь? Клянусь святой пятницей — нет! Это не я.

— Уж не я ли? — колко ответила она, если можно назвать колкостью слова женщины, которая вас любит и упрекает в том, что вы не любите ее.

— Как, имея такие прекрасные глаза, можно так плохо видеть? Нет, нет, не Генрих Наваррский женится на Маргарите Валуа.

— Но тогда кто же?

— О святой боже! Да реформатская церковь выходит замуж за папу, вот и все.

— Ни-ни, ваше величество, меня не ослепить блеском остроумия, нет: вы любите королеву Маргариту, и это не упрек, боже сохрани! Она

так хороша, что невозможно не любить ее.

Генрих на минуту задумался, и, пока он размышлял, на его лице появилась добрая улыбка.

— Баронесса, мне кажется, вы ищете предлога, чтобы поссориться со мной, но у вас нет на это права: послушайте, сделали вы хоть что-нибудь, что мешало бы мне жениться на Маргарите? Ничего! Наоборот, вы только тем и занимались, что приводили меня в отчаяние.

— И слава богу, ваше величество!

— Почему?

— Потому что сегодня вы соединяетесь с другой.

— Но оттого, что вы меня не любите.

— А если б я полюбила вас, мне через час пришлось бы умереть.

— Умереть? Что это значит? И почему — через час, и от чего?

— От ревности... Через час королева Наваррская отпустит своих придворных дам, а ваше величество — своих придворных кавалеров.

— Послушайте, милочка моя, вас в самом деле это так огорчает?

— Я этого не говорила. Я сказала — если б я любила вас, то это ужасно огорчило бы меня.

— Хорошо! — воскликнул Генрих, обрадованный ее первым признанием в любви. — Ну, а если сегодня вечером король Наваррский не отпустит своих придворных кавалеров?

— Сир, — промолвила мадам де Сов, глядя на него с изумлением, на этот раз совершенно непритворным, — это невозможно, а главное — я в это никогда не поверю.

— Что нужно сделать, чтобы вы поверили?

— Доказать делом, а вы не можете предоставить мне такого доказательства.

— Отлично, мадам, отлично! Клянусь святым Генрихом! Я сделаю это! — воскликнул король, обжигая молодую женщину страстным взглядом.

— О ваше величество! — тихо произнесла баронесса, опуская глаза. — Я... я не понимаю... Нет, нет! Нельзя бежать от своего счастья.

— Моя прелесть, в этом зале — четыре Генриха: Генрих Французский, Генрих Конде, Генрих Гиз, но только один Генрих Наваррский.

— И что же?

— А вот что: если Генрих Наваррский всю ночь проведет у вас?..

— Всю ночь?..

— Да, — убедит ли это вас, что у другой он не был?

— Ах, сир, если вы сделаете так!.. — воскликнула на этот раз мадам де Сов.

— Так и сделаю, честное слово дворянина!

Баронесса подняла на короля глаза, полные страстных обещаний, и улыбнулась ему такой улыбкой, что сердце Генриха забилося от радости и упоения.

— Посмотрим, — продолжал он, — что вы тогда скажете?

— О, ваше величество, тогда я скажу, что вы действительно любите меня.

— Святая пятница! Вы это скажете, потому что так оно и есть.

— Но как же это сделать?

— Ах, боже мой! Баронесса, неужели у вас нет какой-нибудь камеристки, горничной, служанки, на которую вы могли бы положиться?

— О да! У меня есть моя Дариола, она так предана мне, что даст изрезать себя на куски ради меня: настоящее сокровище.

— Баронесса, скажите этой девице, что я озолочу ее, как только, согласно предсказанию астрологов, стану королем Франции.

Шарлотта улыбнулась, потому что в это время мало кто верил обещаниям Беарнца.

— Ну хорошо! Чего же вы хотите от Дариолы?

— Того, что для нее — пустяк, а для меня — все.

— А именно?

— Ведь ваши комнаты над моими?

— Да.

— Пусть она ждет за вашей дверью. Я тихо постучу в дверь три раза; она откроет, и вы получите то доказательство, о котором я вам говорил.

Несколько секунд баронесса молчала; потом осмотрелась, как бы желая убедиться в том, что никто их не подслушивает, и на мгновение остановила взор на группе дам, окружавших королеву-мать; это было действительно мгновение, но его было достаточно, чтобы Екатерина и мадам де Сов обменялись взглядами.

— А вдруг у меня появится желание уличить ваше величество во лжи? — сказала Шарлотта голосом сирены, растопившим воск в ушах Улисса.

— Попробуйте, милочка моя, попробуйте.

— Честно говоря, мне очень трудно победить в себе это желание.

— Так пусть оно победит вас: женщины никогда не бывают так сильны, как после поражения.

— Сир, когда вы будете французским королем, я вам припомню ваше обещание Дариоле.

Генрих Наваррский даже вскрикнул от восторга. Причем радостное восклицание вырвалось у него в то самое мгновение, когда Маргарита Валуа ответила герцогу Гизу латинской фразой:

— *Noctu pro morte.*

Так Генрих Наваррский и Генрих Гиз — оба в приподнятом настроении — расстались со своими дамами, один — с Шарлоттой де Сов, другой — с Маргаритой Валуа.

Через час после этого король Карл и королева-мать удалились в свои покои: почти сразу же залы Лувра начали пустеть и в галереях стали видны базы мраморных колонн. Четыреста дворян-гугенотов проводили адмирала и принца Конде сквозь толпу, недовольно ворчавшую им вслед. После них вышли герцог Гиз, лотарингские и другие вельможные католики, приветствуемые радостными криками и рукоплесканиями народа.

Что касается Маргариты Валуа, Генриха Наваррского и мадам де Сов, то они жили в самом Лувре.

II

СПАЛЬНЯ КОРОЛЕВЫ НАВАРРСКОЙ

Герцог Гиз проводил свою невестку, герцогиню Неверскую, до ее дома на улице дю Шом, находящегося напротив улицы де Брак, и, оставив ее на попечение служанок, направился в свои покои, чтобы переодеться, взять ночной плащ и короткий кинжал с острым кончиком, который носил название «дворянская честь» и цеплялся вместо шпаги. Но, взяв его со стола, герцог заметил маленькую записку, вложенную между ножнами и клинком. Он развернул ее и прочел: «Надеюсь, что герцог Гиз не вернется в Лувр сегодня ночью; если же вернется, то пусть наденет на всякий случай хорошую кольчугу и захватит шпагу».

— Так! Так! — произнес Генрих Гиз, оборачиваясь к своему лакею. — Вот, дядюшка Робен, какое странное предупреждение. А теперь будьте добры сказать мне, кто входил сюда, пока меня не было.

— Только один человек.

— Кто же?

— Месье дю Гаст.

— Так! Так! То-то я вижу — рука знакомая. А ты уверен, что приходил дю Гаст? Ты его видел?

— Более того, я с ним разговаривал.

— Хорошо, послушаюсь его совета. Мою шпагу и короткую кольчугу!

Лакей, уже привыкший к таким переодеваниям, принес и то и другое. Герцог надел кольчугу из таких тоненьких колечек, что стальная ткань казалась не толще бархата; а поверх кольчуги камзол, трико с пуфами и колет — серые с серебром — любимое им сочетание цветов, натянул высокие сапоги, доходившие до половины ляжек, накрыл голову черным бархатным беретом без пера и драгоценных украшений, потом закутался в широкий темный плащ, прицепил к поясу кинжал и, отдав шпагу своему пажу, составлявшему теперь всю его свиту, пошел по направлению к Лувру.

Как он только переступил порог своего дома, звонарь на Сен-Жермен-Л'Озера прозвонил час ночи.

Несмотря на поздний час и немалый риск, которому подвергались тогда любители ночных прогулок, герцог без всяких приключений добрался до мрачной громады Лувра, где все огни уже погасли, страшному теперь своим молчанием и тьмою.

Перед королевским замком тянулся глубокий ров, на который выходили окна почти всех комнат высокопоставленных особ, живших в Лувре. Покои Маргариты находились в нижнем этаже. Туда нетрудно было бы проникнуть, если бы не ров, такой глубокий, что нижний этаж оказывался на высоте почти тридцати футов, а следовательно — недосыгаем для воров или любовников; однако герцог Гиз решительно спустился вниз.

В ту же минуту скрипнуло одно из окон в нижнем этаже. На окне была железная решетка, но чья-то рука вынула один из прутьев, заранее подпиленный, и спустила в это отверстие шелковый шнурок.

— Жийона, это вы? — тихо спросил герцог.

— Да, ваша светлость, — еще тише ответил женский голос.

— А Маргарита?

— Ждет вас.

— Хорошо.

Он сделал знак своему пажу; тот вынул из-под плаща узенькую веревочную лестницу и развернул. Герцог привязал ее к концу шнурка; Жийона подтянула лестницу наверх и закрепила; Гиз, прицепив шпагу, благополучно взобрался по лестнице к окну. Когда он скрылся в проделанном отверстии, железный прут решетки стал на место, и окно закрылось; тогда паж, раз двадцать сопровождавший герцога под эти окна, убедившись, что его господину удалось проникнуть в Лувр, закутался в свой плащ и улегся спать тут же, под стеной, на травке, покрывавшей ров.

Погода была мрачная, из насыщенных электричеством желтовато-черных туч падали редкие крупные капли теплого дождя.

Герцог следовал за своей провожатой, которая была дочерью маршала Франции Жака де Монтиньона и пользовалась исключительным доверием Маргариты Валуа, не имевшей от нее никаких тайн, а по мнению некоторых лиц, в числе тайн, хранимых

верной Жийоной, были такие страшные, которые заставляли ее крепко держать язык за зубами.

В нижних комнатах и коридорах было совершенно темно, лишь изредка голубоватый отблеск далекой молнии освещал мрачные покои и тотчас потухал.

Спутница герцога вела его за руку все дальше, и наконец они дошли до винтовой лестницы, сделанной в толще стены и упирившейся в потайную дверь передней комнаты покоев Маргариты.

В этой комнате царил такой же беспросветный мрак, как и в других покоях нижнего этажа. Жийона, войдя в переднюю, остановилась.

— Вы принесли то, что нужно королеве? — спросила она шепотом.

— Да, — ответил герцог Гиз, — но отдам только ей самой.

— Не теряйте времени, входите, — раздался из темноты голос, при звуке которого герцог вздрогнул, узнав голос Маргариты.

Бархатная лиловая с золотыми лилиями портьера приподнялась, и Генрих увидел в полумраке королеву, которая, не вытерпев, вышла ему навстречу.

— Я здесь, мадам, — ответил он, быстро проходя под портьерой, которая тотчас упала за его спиной.

Теперь Маргарита Валуа сама вела герцога по своим покоям, впрочем, хорошо знакомым ему. Жийона осталась сторожить у двери и, приложив палец к губам, давала понять, что королева может быть спокойна.

Маргарита, как будто понимая, что беспокоит герцога, довела его до спальни и там остановилась.

— Что ж, вы довольны?

— Доволен? А чем я должен быть доволен, мадам?

— Тем, — пояснила Маргарита с оттенком раздражения, — что я принадлежу мужчине, который уже в день свадьбы, в самую брачную ночь, забыл о моем существовании и даже не явился поблагодарить за честь если не моего выбора, то согласия назвать его моим супругом.

— О мадам, не беспокойтесь, он придет, а тем более если вы сами этого хотите!

— Генрих! Как вы можете такое говорить! — воскликнула Маргарита Валуа. — Если б я хотела его видеть, то разве просила бы вас прийти сегодня в Лувр?

— Маргарита, вы просили меня быть здесь для того, чтобы уничтожить все следы наших прошлых отношений, потому что это прошлое живет не только в моем сердце, но и в том ларчике, который я принес.

— Генрих, я должна сказать вам, — ответила королева Наваррская, пристально глядя на герцога, — что вы напоминаете не владетельного князя, а школьника! Я не стану отрицать, что любила вас! Я не стану гасить огонь, который, может быть, потухнет, но отблеск свой оставит навсегда! Любовь женщин, занимающих такое положение, как я, может быть или светочем, или злым гением своей эпохи. Нет, мой герцог, нет! Вы можете оставить у себя и эти письма, и сам ларчик — мой подарок. Из всех писем, что в нем лежат, королева Маргарита требует только одно, да и то только потому, что оно опасно в равной мере для вас и для нее.

— Они в вашем распоряжении; выбирайте любое.

Маргарита дрожащей рукой перебрала все содержимое ларчика; торопливо отыскивая нужное письмо, она пробежала глазами только начало каждого из них, — было очевидно, что ей достаточно взглянуть на обращение, как в ее памяти сейчас же возникало и содержание письма; но, просмотрев все, она вдруг побледнела, перевела глаза на герцога и спросила:

— Месье, здесь нет того письма, которое мне нужно. Неужели вы потеряли его? Ведь... передать его...

— Мадам, какое письмо вам нужно?

— То, где я прошу вас немедленно жениться.

— Чтобы оправдать вашу неверность?

Маргарита пожала плечами.

— Нет, чтобы спасти вам жизнь. То письмо, где я предупреждала вас, что король заметил и нашу любовь, и мои старания расстроить ваш предполагаемый брак с инфантой Португальской, что он вызвал своего побочного брата, графа Ангулемского, и сказал ему, показывая на две шпаги: «Или вот этой шпагой ты сегодня вечером убьешь герцога Гиза, или вот этой я завтра же убью тебя». Где это письмо?

— Вот, — ответил Генрих, вынимая его из-за пазухи.

Маргарита чуть ли не выхватила письмо у герцога, порывисто развернула, удостоверилась, что оно — то самое, вскрикнула от

радости и поднесла к свече; бумага вспыхнула, и в один миг его не стало; но королева не удовлетворилась этим и, словно боясь, что даже в пепле могут найти ее неосторожное предупреждение, растоптала и пепел.

Герцог Гиз внимательно наблюдал за лихорадочными движениями своей любовницы.

— Теперь, Маргарита, вы наконец довольны? — спросил он, когда все кончилось.

— Да, теперь вы женитесь на принцессе Порсиан, и благодаря этому Карл простит мою связь с вами; но он никогда бы не простил мне разглашение тайны, подобной той, какую я, из слабости к вам, была не в силах скрыть.

— Да, это правда, — вздохнул герцог Гиз, — в то время вы меня любили.

— Генрих, я вас люблю все так же и даже больше.

— Вы?

— Да, я. Я никогда так не нуждалась в преданном и бескорыстном друге, как теперь, — я, безземельная королева и безмужняя жена.

Молодой герцог грустно кивнул головой.

— Я говорила вам и повторяю, Генрих, что мой муж меня не только не любит, но презирает, даже ненавидит; впрочем, одно то, что вы находитесь у меня в спальне, лучше всего доказывает его презрение и ненависть ко мне.

— Мадам, еще не поздно: король задержался, отпуская своих придворных, и если не пришел еще, то вот-вот явится.

— А я вам говорю, — воскликнула Маргарита с возрастающей досадой, — что король Наваррский не придет!

— Мадам, — сказала Жийона, приподняв портьеру, — мадам, король Наваррский вышел из своих покоев.

— О, я же знал, что он придет! — огорчился герцог Гиз.

— Генрих, — решительно произнесла Маргарита, сжимая руку герцога, — вы сейчас увидите, верна ли я своим словам и можно ли верить моим обещаниям. Войдите в этот кабинет.

— Мадам, лучше мне уйти, пока не поздно, а то при первой любовной ласке короля я выскочу из кабинета — и тогда горе королю!

— Вы с ума сошли! Входите же, входите, вам говорят, я отвечаю за все!

Она втокнула герцога в кабинет, и вовремя: едва он успел закрыть за собой дверь, как Генрих Наваррский, в сопровождении двух пажей, освещавших ему путь восемью восковыми свечами в двух канделябрах, с улыбкой переступил порог комнаты.

Маргарита сделала глубокий реверанс, чтобы скрыть свое смущение.

— Вы еще не легли спать? — улыбаясь, спросил Беарнец. — Уж не меня ли вы дожидались?

— Нет, месье, — ответила королева, — ведь вы еще вчера сказали мне, что считаете наш брак только политическим союзом и никогда не позволите себе посягать на меня лично.

— Очень хорошо! Но это нисколько не мешает нам поговорить друг с другом. Жийона, запирайте дверь и оставьте нас одних.

Маргарита, до этого сидевшая на стуле, встала и протянула руку по направлению к пажам, как бы приказывая им остаться.

— Может быть, позвать и ваших женщин? — спросил король. — Если хотите, я это сделаю, но должен вам признаться — мой разговор с вами касается таких вещей, что я бы предпочел свидание с глазу на глаз.

И король Наваррский направился к двери кабинета.

— Нет! — воскликнула Маргарита, стремительно преграждая ему путь. — Нет, не надо, я выслушаю вас.

Беарнец теперь знал все, что ему нужно было знать; он быстро, но внимательно взглянул на кабинет, точно хотел проникнуть взглядом сквозь портьеру до самых темных уголков, затем посмотрел на бледную от страха красавицу жену.

— В таком случае, — сказал он, — поговорим спокойно.

— Как будет угодно вашему величеству, — ответила королева, почти падая в кресло, на которое указал ей муж. Беарнец сел рядом с ней.

— Мадам, — заявил он, — пусть болтают все что угодно, но, по моему, наш брак — добрый брак. Во всяком случае, я — ваш, а вы — моя.

— Но... — испуганно произнесла Маргарита.

— Следовательно, — продолжал Беарнец, как бы не замечая ее смущения, — мы обязаны быть верными союзниками, ведь сегодня мы

перед Богом дали клятву быть вместе. Не так ли?

— Разумеется, месье.

— Мадам, я знаю, как вы прозорливы, и знаю, сколько опасностей подстерегает меня во дворце; я молод, и, хотя никому не делал зла, врагов у меня много. Так вот, к какому лагерю я должен отнести ту, которая перед алтарем клялась мне в добрых чувствах и носит мое имя?

— О месье, как вы могли подумать...

— Я ничего не думаю, мадам, я лишь надеюсь и хочу убедиться, что моя надежда имеет основания. Несомненно одно: наш брак — или политический ход, или ловушка.

Маргарита вздрогнула, возможно, потому, что эта мысль приходила в голову и ей.

— Итак, какой же лагерь — ваш? — спросил Генрих Наваррский. — Король меня ненавидит, герцог Анжуйский — тоже, равно как герцог и Алансонский, Екатерина Медичи настолько ненавидела мою мать, что, конечно, ненавидит и меня.

— Ах, месье, что вы говорите?!

— Только истину, мадам, и если думают, что меня сумели обмануть относительно убийства де Муи и отравления моей матери, то я не хочу, чтобы так думали, и поэтому был бы не против, если бы здесь оказался кто-нибудь еще, кто мог бы меня слышать.

— Что вы! Вы прекрасно знаете, что нас здесь только двое: вы и я, — ответила королева Наваррская, стараясь казаться спокойной.

— Поэтому-то я и откровенен, поэтому-то и решаюсь вам сказать, что я не обманываюсь ни ласками царствующего дома, ни ласками семейства лотарингских герцогов.

— Сир! Сир! — воскликнула Маргарита.

— В чем дело, моя крошка? — улыбнулся Генрих.

— А в том, что такие разговоры очень опасны.

— С глазу на глаз? Нисколько. Так я вам говорил...

Для Маргариты это было пыткой; ей хотелось остановить короля на каждом слове; но Генрих с нарочитой искренностью продолжал речь:

— Да! Так я вам говорил, что угроза нависла надо мной со всех сторон; мне угрожают и король, и герцог Алансонский, и герцог Анжуйский, и королева-мать, и герцог Гиз, и герцог Майнцкий, и

кардинал Лотарингский — словом, все. Такие вещи чувствуешь инстинктивно, вы это понимаете, мадам. И от всех этих угроз, готовых обратиться в прямое нападение, я мог бы защититься с вашей помощью, потому что те люди, которые меня не переносят, любят вас.

— Меня? — спросила Маргарита.

— Да, вас, — добродушно ответил Генрих. — Вас любит король Карл; вас любит, — подчеркнул он, — герцог Алансонский; вас любит королева Екатерина; наконец, вас любит герцог Гиз.

— Месье... — чуть слышно выговорила Маргарита.

— Ну да! Что же удивительного в том, что вас все любят? А те, кого я назвал, — ваши братья или родственники. Любить же родных и братьев — значит жить в духе Божиим.

— Хорошо, но к чему вы клоните? — спросила совершенно подавленная Маргарита.

— А я уже сказал к чему: если вы станете моим — не скажу другом, но союзником, — мне ничто не страшно; в противном случае, если и вы будете моим врагом, я погибну.

— Вашим врагом? О, никогда! — промолвила Маргарита.

— Но другом — тоже нет?

— Возможно — да.

— А союзником?

— Наверно!

Королева повернулась к супругу и протянула ему руку. Генрих взял ее, учтиво поцеловал и удержал в своих руках не столько из чувства нежности, сколько преследуя другую цель: более непосредственно почувствовать душевные движения Маргариты.

— Хорошо, я верю вам, мадам, и почитаю вас своим союзником. Итак, нас поженили, хотя мы не знали друг друга и не могли любить; женили, не спрашивая тех, кого женили; следовательно, у нас нет взаимных обязательств мужа и жены. Как видите, мадам, я иду навстречу вашему желанию и подтверждаю то, что говорил вам вчера. Но союз мы заключаем добровольно, нас к нему никто не принуждает, наш союз — это союз двух честных людей, обязанных поддерживать и не бросать друг друга; не так ли?

— Да, месье, — подтвердила Маргарита и попыталась освободить свою руку.

— Хорошо, — сказал Беарнец, не спуская глаз с двери кабинета, — а так как лучшим доказательством честного союза является полное доверие, то сейчас я посвящу вас во все подробности плана, который себе составил, чтобы успешно противостоять всем этим враждебным силам.

— Месье... — пролепетала королева, оглядываясь на кабинет, что вызвало скрытую улыбку у Беарнца, довольного успехом своей хитрости.

— И вот что я собираюсь сделать, — продолжал Генрих, как будто не замечая ее смущения. — Я...

— Месье, — воскликнула она и, быстро встав, схватила короля за локоть, — дайте мне передохнуть: волнение... жара... я задыхаюсь.

Маргарита действительно побледнела и дрожала, едва удерживаясь на ногах, чтоб не упасть.

Генрих направился к дальнему окну и растворил его. Оно выходило на реку.

Маргарита последовала за ним.

— Молчите! Молчите! Ради себя, сир, — чуть слышно произнесла она.

— Эх, мадам, — ответил Беарнец, улыбаясь своей особенной улыбкой. — Ведь вы же сами сказали мне, что мы одни.

— Да, месье, но разве вам не известно, что посредством слуховой трубки, приставленной к стене или потолку, можно все услышать?

— Хорошо, мадам, хорошо, — с чувством прошептал Беарнец. — Верно то, что вы не любите меня, но верно также то, что вы честная женщина.

— Как это надо понимать?

— Если бы вы были способны меня предать, то дали бы мне договорить, потому что я выдавал только себя, но вы меня остановили. Теперь я знаю, что в кабинете кто-то есть, что вы неверная жена, но верная союзница, а в данный момент, — добавил Генрих, улыбаясь, — надо признаться, для меня гораздо важнее верность в политике, нежели в любви...

— Сир... — стыдливо вымолвила Маргарита.

— Ладно, ладно, об этом поговорим после, когда узнаем друг друга лучше. — И уже громко спросил ее: — Ну как, мадам, теперь вам

легче дышится?

— Да, сир, да, — тихо ответила она.

— В таком случае, — продолжал он громко, — я не хочу больше обременять вас своим присутствием. Я почел своим долгом прийти, чтоб изъявить вам все мое уважение и сделать первый шаг к нашей дружбе; соблаговолите принять их так же, как я их предлагаю, — от всего сердца. Спите спокойно, доброй ночи.

Маргарита с благодарностью посмотрела на мужа и сама протянула ему руку, говоря:

— Согласна.

— На политический союз, искренний и честный? — спросил Генрих.

— Искренний и честный, — повторила королева.

Беарнец пошел к выходу, бросив на Маргариту взгляд, заставивший ее как замороженную смотреть вслед мужу. Когда портьера отделила их от спальни, Генрих Наваррский с чувством прошептал:

— Спасибо, Маргарита, спасибо. Вы истинная дочь Франции. Я ухожу спокойным. Бедный вашей любовью, я не буду беден вашей дружбой. Полагаюсь на вас, как и вы можете полагаться на меня... Прощайте, мадам!

Генрих нежно сжал и поцеловал руку жены, затем бодрым шагом направился к себе по коридору, шепотом рассуждая сам с собой:

— Какой черт сидит там у нее? Кто это — сам король, герцог Анжуйский, герцог Алансонский, герцог Гиз, — брат ли, любовник ли, или тот и другой? По правде говоря, мне теперь почти досадно, что я напросился на свидание с баронессой; но поскольку уж я дал слово и Дариола ждет меня у двери... все равно. Боюсь только, не потеряет ли баронесса в своей прелести оттого, что по дороге к ней я побывал в спальне у жены, ибо Марго, как зовет ее мой шурин Карл Девятый, — клянусь святой пятницей! — прелестное создание.

И Генрих Наваррский не очень решительно стал подниматься по лестнице, ведущей к покоям мадам де Сов.

Маргарита провожала его глазами, пока он не исчез из виду, и только тогда вернулась к себе в комнату. В дверях кабинета стоял Генрих Гиз, и это вызвало в ней чувство, похожее на угрызания совести. Суровое выражение лица и сдвинутые брови герцога свидетельствовали о горьких размышлениях.

— Сейчас Маргарита нейтральна, а через неделю будет врагом, — произнес он.

— Значит, вы подслушивали? — спросила королева.

— А что ж мне было делать в этом кабинете?

— И по-вашему, я вела себя не так, как подобает наваррской королеве?

— Нет, но не так, как подобает возлюбленной герцога Гиза.

— Месье, я могу не любить своего мужа, но никто не имеет права требовать от меня, чтобы я сделалась предательницей. Скажите честно, способны ли вы сами выдать какую-нибудь тайну вашей будущей жены, принцессы Порсиан?

— Хорошо, хорошо, мадам, — сказал герцог, покачивая головой. — Пусть так. Я вижу, что у вас нет больше той любви, во имя которой вы раскрывали мне козни короля против меня и моих сообщников.

— Тогда король был силен, а вы слабы. Теперь слабая сторона — Генрих, а сила на вашей стороне. Как видите, я продолжаю играть все ту же роль.

— Но перешли из одного лагеря в другой.

— Я получила на это право, когда спасла вам жизнь таким же способом.

— Хорошо, мадам! Когда любовники расходятся, то возвращают друг другу все свои взаимные дары; поэтому и я при первой же возможности спасу вам жизнь, чтобы не быть у вас в долгу.

Вслед за этим герцог раскланялся и вышел, а королева не шевельнула и пальцем, чтобы его остановить. В передней он встретился с Жийоной, которая проводила его к окну на нижнем этаже; во рву герцог нашел верного пажу и возвратился с ним домой.

Маргарита, задумавшись, сидела у открытого окна. — Хороша брачная ночь! — прошептала королева. — Муж сбежал, любовник бросил!

В это время на противоположной стороне рва, по дороге, ведущей от Деревянной башни к Монетному двору, шел, подбоченясь, какой-то школяр и пел:

Почему, когда на грудь
Я хочу к тебе прильнуть

Иль когда, вздыхая тяжко,
Я ищу твои уста,
Ты обычно и чиста,
И сурова, как монашка!..
Для чего тебе беречь
Белизну точеных плеч,
Этот лик и это лоно?
Для того ли, чтоб отдать
Всю земную благодать
Ласкам страшного Плутона!..
Дивный блеск твоих ланит
Зев могилы поглотит;
Но когда и за могилой
Встретиться придется нам,
Знать никто не будет там,
Что была моей ты милой!
Так не мучь и не гони
И скорее протяни,
Протяни свои мне губки,
А не то — пройдут года,
Пожалеешь ты тогда,
Что не сделала уступки!¹

Маргарита с грустной улыбкой прислушивалась к этой песне; когда же голос певца замер вдали, она затворила окно и позвала Жийону, чтобы с ее помощью раздеться и лечь спать.

¹ Стихотворные тексты в романсе переведены А. Арго.

III

КОРОЛЬ-ПОЭТ

Торжества, балеты и турниры заполнили все следующие дни. Сближение двух партий продолжалось. Двор расточал ласки и любезности, которые могли вскружить голову даже самым ярым гугенотам. На глазах у всех старик Коттон обедал и кутил с бароном де Куртомер, а герцог Гиз и принц Конде вместе катались по реке на лодке в сопровождении оркестра.

Карл IX как будто расстался со своим обычно мрачным настроением и не мог жить без своего зятя Генриха Наваррского. Сама королева-мать обрела такую жизнерадостность, так прилежно занялась вышивками, драгоценными уборами и перьями для шляп, что даже потеряла сон.

Гугеноты, немного развратившись в этой новой Капуе, стали надевать шелковые колеты, вышивать девизы и не хуже католиков гарцевать перед заветными балконами. Все свидетельствовало о переменах, благоприятных для реформатского вероисповедания, — казалось, сам королевский двор собрался перейти в протестантизм. Даже адмирал, при всей своей опытности, попался на эту удочку, как и другие: ему до такой степени затуманили рассудок, что однажды вечером он на целых два часа забыл о зубочистке и не ковырял ею у себя во рту, хотя обычно предавался этому занятию с двух часов дня, когда заканчивал обедать, и до восьми вечера, когда садился ужинать.

В тот самый день, когда адмирал проявил такую невероятную забывчивость, король Карл IX пригласил герцога Гиза и Генриха Наваррского поужинать втроем. Закончив ужин, Карл увел их к себе в комнату, где стал подробнейшим образом объяснять им хитрый механизм волчьего капкана, изобретенный им самим, как вдруг прервал себя, спросив:

— Не собирается ли адмирал зайти ко мне сегодня вечером? Кто видел его днем и может сказать, как он себя чувствует?

— Я, — ответил Генрих, — и если ваше величество беспокоится о его здоровье, то могу вас утешить: я видел его сегодня два раза — в шесть утра и в семь вечера.

Король, казавшийся до этого рассеянным, вдруг пристально посмотрел на зятя и сказал:

— Ай, ай, Анрио! Вы встали сегодня что-то уж слишком рано для новобрачного.

— Да, сир, — ответил Беарнец, — но мне хотелось узнать у всеведущего адмирала, не едет ли кое-кто из дворян, которых я жду.

— Еще дворяне! В день свадьбы их было уже восемьсот, и каждый день приезжают новые — уж не собираетесь ли вы оккупировать Париж? — засмеялся король.

Герцог Гиз нахмурил брови.

— Сир, — возразил Беарнец, — ходят слухи о походе во Фландрию, поэтому я и собираю из своей области и из соседних всех, кто, по моему мнению, может быть полезен вашему величеству.

Герцог, вспомнив ночной разговор Беарнца с Маргаритой о каком-то плане, стал слушать более внимательно.

— Ладно, ладно! — хищно улыбаясь, произнес король. — Чем больше их будет, тем лучше; созывайте, созывайте, Генрих. Но каковы эти дворяне? Надеюсь, храбрые люди?

— Не знаю, сир, сравниваются ли в храбрости мои дворяне с дворянами вашего величества, герцога Анжуйского или месье Гиза, но я их знаю и уверен, что они себя покажут.

— А скольких вы еще ждете?

— Человек десять — двенадцать.

— Как их зовут?

— Сейчас не припомню, кроме одного, которого рекомендовал мне Телиньи как образованного дворянина, по имени де Ла Моль; и могу уверить...

— Де Ла Моль! Уж это не провансалец ли — Лерак де Ла Моль? — спросил король, хорошо знавший генеалогию французского дворянства.

— Совершенно верно, сир; как видите, я хожу за людьми даже в Прованс.

— А я, — насмешливо улыбнулся герцог Гиз, — хожу еще дальше его величества короля Наваррского и дохожу до самого Пьемонта, чтобы собрать всех тамошних верных католиков.

— Католиков или протестантов — мне безразлично, лишь бы были храбры, — возразил король.

Эти слова, соединившие католиков и протестантов в одно целое, Карл IX произнес с таким беспристрастным видом, что сам герцог Гиз был озадачен.

— Ваше величество, уж не о наших ли фламандцах идет речь? — спросил адмирал, который, пользуясь недавно дарованным ему королевским разрешением являться без доклада, входил в комнату короля и слышал его последние слова.

— А-а! Вот и отец мой адмирал! — воскликнул Карл IX, раскрывая объятия. — Стоит заговорить о войне, дворянах, храбрецах — и он тут как тут, его тянет, как магнитом. Мой наваррский зять и мой кузен Гиз ждут подкреплений для вашей армии. Вот о чем шел разговор.

— И подкрепления идут, — сказал адмирал.

— У вас есть свежие вести, адмирал? — спросил Беарнец.

— Да, мой сын, в частности — о Ла Моле; вчера он был в Орлеане, а завтра или послезавтра будет в Париже.

— Чудеса! Господин адмирал просто колдун, — заметил Гиз. — Ему известно, что делается за тридцать или сорок миль от него! Я очень хотел бы знать так же достоверно, что происходит или произошло под Орлеаном.

Колиньи совершенно спокойно отнесся к этому выпадку герцога Гиза, явно намекавшего на смерть своего отца, Франсуа де Гиза, убитого под Орлеаном гугенотом Польтро де Мере, как подозревали, по приказу адмирала.

— Месье, — холодно, с достоинством ответил адмирал, — я бываю колдуном всегда, когда хочу знать все, что имеет значение для дел короля или моих собственных. Час тому назад из Орлеана прибыл мой курьер, он ехал на перекладных почтовых лошадях и благодаря этому проехал за один день тридцать две мили; а месье де Ла Моль едет верхом на собственной лошади, делая по десяти миль в день, — следовательно, он прибудет только двадцать четвертого. Вот и все колдовство.

— Браво, отец, — воскликнул Карл IX, — хорошо сказано! Пусть эти юноши знают, что не только годы, но и мудрость убелила вашу бороду и голову. Давайте отпустим их болтать о турнирах и любовных похождениях, а сами побеседуем о наших военных предприятиях. При хорошем советнике и король становится хорошим, отец. Ступайте, господа, мне надо поговорить с адмиралом.

Молодые люди вышли — первым король Наваррский, а за ним герцог Гиз, но, выйдя за дверь, они холодно раскланялись и пошли каждый в свою сторону.

Колиньи с некоторой тревогой посмотрел им вслед: всякий раз, когда встречались эти два ненавистных друг другу человека, он опасался какой-нибудь стычки. Карл IX угадал мысль адмирала, подошел к нему и, взяв его под руку, сказал:

— Будьте спокойны, отец; для того чтобы держать их в страхе и повиновении, существую я. Я стал настоящим королем с того дня, как моя мать перестала быть королевой, а она перестала быть королевой с того дня, как Колиньи стал мне отцом.

— Что вы, сир! — возразил адмирал. — Ведь королева Екатерина...

— ...старая склочница! С ней никакой мир невозможен. Эти оголтелые итальянские католики хотят только одного — всех перерезать. Я же, наоборот, хочу умиротворения, и даже больше — хочу поддержать приверженцев нового вероисповедания. Все остальные чересчур распущенны, отец, они позорят меня своими любовными похождениями и своим беспутством. Хочешь, я буду говорить с тобой честно, — продолжал Карл IX в порыве откровенности. — Мне кажется, что возле меня нет ни одного стоящего человека, за исключением моих новых друзей. Честолюбие Тавана мне очень подозрительно; Вьейвиль любит только хорошее вино и продаст своего короля за бочку мальвазии; Монморанси ничем не интересуется, кроме охоты, все свое время он проводит в обществе собак и соколов; граф Рец — испанец, Гизы — лотарингцы. Да простит мне Бог, но сдается, что во всей Франции только три честных француза — я, мой наваррский зять и ты. Но я прикован к трону и не могу командовать армией; самое большее, что мне позволено, — это поохотиться в Сен-Жермене и в Рамбуйе. Мой наваррский зять слишком юн и малоопытен; кроме того, его отца, короля Антуана,

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ